

Хуай Янь вернулся уже совершенно открыто и подчёркнуто вежливо. Уверенности у него явно прибавилось: шаг стал шире, а кожаные туфли выстукивали по полу чёткий, размеренный ритм.

Сян Мо предложил ему устраиваться где удобно, и Хуай Янь опустился на диван, вновь принявшись разглядывать обстановку.

Лишь теперь он обратил внимание на пластиковые контейнеры, аккуратно выстроенные вдоль стены возле дивана. Внутри лежали детские вещи: аккуратно сложенная чистая одежда, конструкторы, альбомы для рисования, книжки со сказками и всякая повседневная мелочёвка.

Квартира Сян Мо была небольшой. Для одного — в самый раз, но разместить здесь семнадцать детей и четырёх взрослых было заведомо невозможно.

Сян Мо так и стоял у окна, лениво прислонившись спиной к стене, и наблюдал за тем, как гость изучает его жилище.

Подобная бесцеремонность Хуай Яня должна была вызвать раздражение, но Сян Мо, к собственному удивлению, не чувствовал досады. Он пояснил, указывая на ящики:

— Это для ребят. Иногда они приходят ко мне в гости.

— А где они живут обычно? — поинтересовался Хуай Янь.

Сян Мо повернулся, раздвинул шторы и кивнул на улицу:

— Вон то трёхэтажное здание сзади — приют. Нам его пожертвовали, дети живут там. Полмесяца назад я подобрал Сяо Ханя, он тоже перебрался туда. Среди них он один из самых старших, так что помогает присматривать за малышами, а если есть работа — ходит со мной. В последнее время мы как раз ищем Сяо Чи.

Едва он договорил, как свет в квартире погас. Небольшую гостиную мгновенно затопила непроглядная тьма.

Секунду назад Хуай Янь смотрел на прямую, стройную спину Сян Мо у окна, а теперь тот словно растворился во мраке. Лишь когда глаза немного привыкли, Хуай Янь сумел различить его смутный силуэт.

Сян Мо всё так же стоял у окна, но его осанка изменилась — спина ссутулилась, бывалая выправка испарилась.

— Кажется, свет отключили... — проговорил Хуай Янь.

Если не считать детских воспоминаний о периоде великой смуты в Подземном городе, Хуай Янь почти не сталкивался с отключением электричества. Энергосеть Подземного города работала безупречно, а на случай редких аварий в его доме всегда имелся автономный генератор.

Сян Мо же перед собой ничего не видел — сплошная чёрная пелена. Он изо всех сил вцепился в подоконник, судорожно удерживая равновесие:

— У меня в спальне... на тумбочке... два аккумуляторных фонаря. Господин Хуай, принесите их, пожалуйста...

Всего за пару секунд его голос преобразился до неузнаваемости. Он стал сиплым, рваным, словно пропущенным через сухую песчаную бурю, а слова посыпались сбивчивой скороговоркой.

Почуввав недоброе, Хуай Янь мгновенно поднялся с дивана. Нашупав в кармане телефон, он включил фонарик на полную мощность — яркий луч моментально выхватил из тьмы большую часть гостиной. Шагнув к Сян Мо, Хуай Янь разглядел его лицо и оцепенел.

Костяшки пальцев, мёртвой хваткой впившихся в подоконник, побелели, на вздувшихся венах проступило напряжение. Лицо Сян Мо полотном побледнело, на лбу высыпали крупные капли пота, а взгляд угас, сделавшись диким, рассеянным и полным животного ужаса. Казалось, ещё мгновение — и он рухнет на пол.

— Сян Мо, что с тобой?! — Хуай Янь подскочил к нему, подхватив одной рукой за поясницу, а другой крепко сжав за предплечье.

С появлением света Сян Мо разжал затекшие пальцы и вцепился в рукав Хуай Яня. Сделав несколько судорожных глубоких вдохов, он ощутил, как дикая тошнота и головокружение отступают, хотя сердце всё ещё бешено колотилось в груди, словно боевой барабан.

Хуай Янь, охваченный тревогой, сжал его сильнее:

— На тебе лица нет. Я отвезу тебя в больницу.

— Не надо... Не нужно в больницу, — переводя дыхание, Сян Мо осторожно высвободил руку и тихо пробормотал: — Спасибо. Это никталопическая никтофобия. Уже отпускает.

Хуай Янь всматривался в его лицо: панический ужас и пустота в глазах Сян Мо действительно рассеялись, уступив место привычной осмысленности.

«Никталопическая никтофобия...»

Хуай Янь мысленно повторил этот диагноз. У Чжу Чэньюаня никогда не было ничего подобного. Напротив, он обладал феноменальным зрением и прекрасно видел в темноте, из-за чего отец постоянно отправлял его во главе ночных спецопераций.

А у Сян Мо оказалась никталопическая никтофобия. В этом они кардинально различались.

И всё же Хуай Янь ни на секунду не усомнился в том, кто перед ним. Вместо подозрений в его голове мгновенно всплыли слова доктора Лу Ечи: «побочные эффекты».

Направляясь в спальню за фонарями, Хуай Янь думал о том, что искусственное солнце Подземного города никогда не освещало улицу Миинь. Здесь царит мрак, а подача энергии постоянно перебивается.

Сколько же раз Сян Мо приходилось переживать подобный кошмар наедине с собой?

Включив светильники, Хуай Янь поставил их на высокий обеденный стол. Мощные диоды залили пространство ярким светом — Сян Мо заведомо запасался оборудованием на случай таких ЧП. Теперь при открытых дверях светло было во всех комнатах.

Хуай Янь вытащил телефон и набрал номер коммунальной службы, но едва пошли гудки, как до него дошло: улица Миинь не входит в юрисдикцию Подземного города. Городские аварийщики пальцем не пошевелят ради этого района.

Досадливо сбросив вызов, Хуай Янь вернулся на диван.

Сян Мо успел прийти в себя. Освежив лицо в ванной, он вышел в гостиную без малейших следов недавнего приступа. Выдвинув стул, он уселся напротив Хуай Яня.

Стул был выше дивана, поэтому Сян Мо, подавшись вперед и скрестив пальцы на коленях, смотрел гостю прямо в глаза.

Хуай Янь окинул его взглядом:

— Отпустило? Здесь часто гасят свет?

— Угу, — отозвался Сян Мо. — Постоянно. Считаю, через день.

— И каждый раз так?! — в голосе Хуай Яня прорезалось нетерпение. — Ты ведь живешь один! Что ты делаешь, когда гаснет свет?!

Сян Мо лишь усмехнулся:

— Обычно всё не так жестко. Просто темнеет в глазах, а паника накатывает только через пару минут. За это время я вполне успеваю нащупать фонарь. Сегодня, видать, алкоголь сказался, вот и перекрыло раньше времени.

В его словах была лишь доля правды. Приступ действительно накрывал его не сразу — явная паника начиналась минуты через три. В самые тяжёлые времена доходило даже до галлюцинаций.

Но алкоголь сыграл вторичную роль. Главная причина кролась в том, что его тело только что пережило адскую муку, и внезапный мрак добил и без того истощенную нервную систему.

Помимо мигреней, о которых знали немногие, ни о никтофобии, ни о других, куда более жутких симптомах Сян Мо никому не распространялся.

На улице Миинь показывать слабость кому бы то ни было — смертельный риск.

К тому же о таких вещах просто не хотелось говорить. Зачем кому-то знать его болячки?

Однако рядом с Хуай Янем у него возникало странное ощущение: этот человек не несёт угрозы. Они были знакомы от силы пару дней, и Сян Мо полагался сугубо на чутьё.

Хуай Янь не излучал ни капли враждебности. Напротив, в его взгляде читалась нескрываемая паника, тревога и... нечто вроде больной, щемящей жалости?

«Должно быть, дело в моем сходстве с его погибшим возлюбленным», — подумал Сян Мо. Хуай Янь просто проецировал на него чувства, предназначавшиеся Чжу Чэньюаню.

— Ты всё ещё убеждён, что я — Чжу Чэньюань? — напрямую спросил Сян Мо.

Хуай Янь молча встретил его взгляд, не произнеся ни слова, что означало молчаливое «да».

— Твой визит ко мне — это ведь не просто желание сыграть в домушника? — Сян Мо скрестил руки на груди, выпрямился и продолжил испытывающе смотреть на гостя.

Хуай Янь действительно хотел быть ближе, узнать его получше. Взлом замка был порывом эмоций — ему страстно хотелось увидеть личное пространство Сян Мо, узнать, чем тот дышит, и проверить, не появится ли рядом кто-то ещё.

В отчёте Ци Еляня утверждалось, что Сян Мо живёт один, однако за три года могло произойти всё что угодно.

Разумеется, Хуай Янь утаил свои мотивы. К счастью, на телефон пришло сообщение от Ци Еляня: появились зацепки по поводу Чи Юняня.

Чи Юняня действительно забрали люди из Центрального квартала. Луань Хунъян, третий сын начальника Пятого района Подземного города, любил развлекаться на улице Миинь с молоденькими парнями. В Подземном городе законы суровы, поэтому он мог развлекаться только на улице Миинь, а когда игрушка надоедала, откупался подачками и вышвыривал прочь.

Наткнувшись на Чи Юняня, он попытался его купить, но получил жесткий отказ. Тогда барчук просто похитил парня и, рискуя, увёз его в Подземный город, где и спрятал.

На улице Миинь похищение человека не заставило бы никого и бровью повести, но раз пленника привезли в Подземный город, дело принимало другой оборот — здесь действовали законы.

А раз юноша на территории Подземного города, Хуай Янь найдёт способ вытащить его.

Ци Елянь выведал лишь общие детали, но точно установить место заточения Чи Юняня пока не смог. Единственное, что удалось узнать: через три дня у Луань Хунъяна день рождения, и тот устраивает закрытую частную вечеринку, где вполне может появиться его новый трофей.

Сян Мо спросил, как пробраться на вечер. Хуай Янь заверил, что достанет пригласительный, и если Чи Юнянь действительно окажется там, он поможет вызволить парня.

Едва они обсудили детали плана, как в комнате раздалось явное, отчетливое урчание.

Сян Мо перевёл взгляд на источник звука — животик Хуай Яня, скрытый под дорогим пиджаком.

— Голоден? — Сян Мо не удержался от широкой ухмылки.

Хуай Янь выпрямил спину и непринуждённо произнёс:

— День выдался суматошным, поужинать не успел.

Сян Мо слегка нахмурился и поднялся:

— Спасибо за сведения. В знак благодарности сварю тебе лапши. Чего не ешь?

— Я неприхотлив, — отрезал Хуай Янь.

— Отлично.

Наблюдая за его спиной, Хуай Янь невозмутимо добавил:

— Главное, без лука, кинзы, чеснока, сельдерея и имбиря... И навари бульон из мацутаке, если не сложно. Спасибо.

—...

Сян Мо молча убрал достатый зелёный лук с кинзой обратно в холодильник, со сдавленным вздохом захлопнул дверцу и опёрся о неё локтём:

— Молодой господин, у меня тут не семизвёздочный отель. Есть только сухая лапша, яйца да пара листиков капусты.

Хуай Янь соорудил снисходительную мину:

— Ладно, сойдёт лапша в простом бульоне. И яйцо пашот. Спасибо.

Повязав фартук, Сян Мо привычным движением зажёл конфорку. Дополнительный фонарь в кухне отбрасывал на стену его чёткий силуэт.

Хуай Янь вспомнил прошлые времена: пока Чжу Чэньюань был дома, кулинарией занимался исключительно он. Чжу Чэньюань готовил божественно, идеально подстраиваясь под вкусы Хуай Яня, и тот с самого знакомства обожал стряпню любимого.

Кулинарные алгоритмы андроида Анно тоже были разработаны Чжу Чэньюанем, так что его мастерство целиком перекочевало от создателя. Все эти три года Хуай Янь, если у него не было деловых ужинов, неизменно возвращался домой, чтобы поесть блюда, приготовленные Анно.

Анно педантично следовал программе, соблюдая пропорции с точностью до миллиграмма, но в его еде не хватало главного — душевного тепла и самого духа Чжу Чэньюаня.

И вот теперь этот человек снова стоял перед ним. Хуай Янь открыто, не таясь, впитывал его образ, чувствуя, как воспоминания, родной запах и привычные жесты воссоединяются в единое целое.

Сян Мо быстро управился с лапшой. В этот момент зажегся основной свет и настойчиво затрезвонил дверной звонок. Накладывая лапшу по пиалам, Сян Мо попросил Хуай Яня:

— Посмотри, кто там, пожалуйста. Только не открывай сразу, глянь в глазок.

Хуай Янь подошёл к двери, прильнул к глазку и охарактеризовал визитёра:

— Парень, лет двадцати. Крашеный блондин с жёлтыми паклями, в чёрной косухе...

Линь Цянькунь... Сян Мо поморщился от подступающей головной боли, но всё же кивнул, разрешая впустить гостя.

Едва дверь распахнулась, как блондин с закрытыми глазами раскинул руки для объятий:

— Брат Мо, месяц не виделись! Отец только сегодня выпустил меня из-под домашнего ареста, я так скучал!

Хуай Янь стремительно отшагнул назад. Нападавший сгреб руками пустоту, потерял равновесие и чуть не растянулся на полу, в последний момент успев ухватиться за обувную полку.

Промазав мимо цели, Линь Цянькунь грязно выругался. Вскинув голову и обнаружив перед собой незнакомца, он мгновенно подобрался, подозрительно сканируя Хуай Яня взглядом.

Переведя взгляд на Сян Мо, выходящего из кухни с пиалой горячей лапши, парень возмущённо ткнул пальцем в Хуай Яня:

— Муженёк, это ещё кто?! Объяснись, откуда у тебя в доме посторонний?!

Сян Мо поставил миску на стол, подошёл и от души всыпал пинка вопящему пацану:

— Сопляк, сколько раз повторять?! Ещё раз так меня назовёшь — шкуру сдеру! Мало тебя отец под замком держал!

Отвесив затрепину, Сян Мо встретился взглядом с Хуай Янем. Глаза последнего полыхали такой студёной, опасной яростью, что от этого зрелища стало неуютно.

Сян Мо неожиданно ощутил укол неловкости. С чего вдруг? Ведь с Линь Цянькунем их не связывало абсолютно ничего — они были чисты как стекло.

Сян Мо не умел разруливать подобные сцены и, желая смахнуть с лица Хуай Яня эту затаённую боль с обидой, сбивчиво произнёс:

— Ты не подумай чего... Это сын моего знакомого. Ему всего двадцать, ему меня дядей Мо

звать положено.

Линь Цянькунь потирал ушибленный зад — Сян Мо влупил ему от души, едва копчик не отшиб, так что парень заметно притих:

— Дядя Мо, а это что за красавчик? Зачем ты вообще перед ним оправдываешься?

— Благодарю, — иронично ухмыльнулся Хуай Янь. — Очень мило с твоей стороны оценить мою внешность в разгар сцены.

— Чему ты радуешься?! — огрызнулся Линь Цянькунь. — Подумаешь, рожей вышел!

Хуай Янь презрительно фыркнул. Парень перед ним был весьма недурён собой, но развязные замашки напрочь портили всё впечатление:

— Считаю, что привлекательное лицо — отличный повод для гордости.

Сян Мо воспринимал Линь Цянькуня как несмышлениша, хотя тот ежедневно изводил его признаниями в любви.

Поколебавшись, Сян Мо взглянул на Хуай Яня и ухмыльнулся:

— Раз уж ты упорно видишь во мне Чжу Чэньюаня, позволь мне ненадолго воспользоваться этой личностью.

Прежде чем Хуай Янь успел сообразить, к чему тот клонит, Сян Мо с абсолютно непроницаемым лицом торжественно объявил малолетнему ухажёру:

— Племянничек, слушай сюда и запоминай: отныне относись к нему с уважением. Это твоя тётушка Мо...

<http://bllate.org/book/20433/2118702>